

А.Н. Пугачев

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Полоцкий государственный университет, Республика Беларусь

Феномен «договорной» конституции как юридизированной формы отражения социальных противоречий

Сущность конституции изучается в контексте договорных начал и социально-политического компромисса. Показаны причины появления «договорных» конституций, взгляды ученых по рассматриваемой проблеме. Отмечены особенности актов такого рода, их безусловная перспективность в механизме государственно-правового регулирования на примере национального, зарубежного и международного опыта.

Ключевые слова: конституция, договорная концепция, политические силы, общая воля, социальный компромисс.

A. Pugachev

PhD, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Polotsk State University, Republic of Belarus

The phenomenon of "contract" of the constitution as a legal form of reflection of the social contradictions

The essence of the constitution is being studied in the context of the treaty started and socio-political compromise. The reasons for the emergence of "contractual" constitutions views of scientists on this issue. The features of such events, their unconditional promise in the mechanism of state-legal regulation on the example of national, foreign and international experience.

Keywords: constitution, negotiated concept, political forces, the general will, social compromise.

Постановка проблемы

При изучении вопроса о способах принятия конституции традиционно выделяют октроирование, деятельность представительных органов (учредительные собрания и парламенты) и механизмы прямой демократии (референдумы и плебисциты). Совершенно упускается из виду, что наряду с перечисленными классическими формами легитимации правопорядка важную роль играют конституции т.н. «договорного» характера, хотя история и современность знает такие примеры. Дело в том, что развитие общественных форм и государственных основ в условиях европейской цивилизации немислимы в наше время без диалога, компромисса, социального сотрудничества – всего того, что составляет суть договорных начал не только в частном, но и публичном праве.

Анализ последних исследований и публикаций

Научно-теоретическую основу работы составили труды известных специалистов в области конституционного права: А. Н. Медушевского, В. Энсона, А. Дайси, В. Е. Чиркина, В. В. Маклакова, Т. Я. Хабриевой, И. К. Блюнчли, Б. С. Эбзеева, А. А. Арутюняна, К. В. Арановского.

Не решенные ранее части общей проблемы

При изучении механизмов и факторов появления конституций в научной и учебной литературе не уделяется должного внимания феномену т.н. «договорных» конституций, между тем как идея соглашения, диалога, компромисса буквально пронизывает сущность права. Важно показать, что не только в частно-правовых, но и публичных сферах консенсуальные начала являются наиболее предпочтительными и эффективными. Заложенная в конституции концепция общественного договора и социально-политического партнерства в наибольшей степени отражает современные тенденции государственно-правового развития. Учет этих факторов напрямую влияет на легальность и легитимность основного закона.

Формулирование целей статьи

Цель публикации – показать научную и практическую значимость развития договорных начал на стадиях осмысления, разработки и принятия конституции, указать безусловные достоинства такой сущностной составляющей основного закона. В этом видится залог реального, а не иллюзорного конституционализма.

Изложение основного материала исследования

Современная концепция народного суверенитета и представительного правления не имеет, вопреки распространенному мнению, истоков в античных государствах. Демократия для них являлась, мягко говоря, достаточно пренебрежительным понятием (см. размышления Аристотеля [1, с. 407]). Она не представляла желательного режима, поскольку положительными чертами наделялись аристократия, просвещенная олигархия и монархия.

В эпоху средневековья система корпоративного устройства несла в себе определенные черты договора и демократии, поскольку «принятию решений были свойственны поиски взаимных соглашений, а идеологическим фундаментом была гармоничная модель общества» [2, с. 122]. Но уже в эпоху Просвещения трудно было представить, как это несколькими веками ранее жизни людей были подчинены группам, к которым они относились. Участие в таких группах (гильдии, цеха, университеты) было не добровольным, а обязательным. Философы начали говорить о самоценности личности лишь в эпоху Возрождения, когда объявили, что люди имеют свои естественные права независимо от группы, к которой они принадлежат, – идея, несвойственная средневековым мыслителям. Поэтому исторические формы демократии обнаруживаются в позднем средневековье.

Указанная концепция пронизывает христианскую доктрину естественного права, в которой формируются первые элементы прав человека в отношении к государям того времени, потом в лице Аквината [3, с. 113] обращается к идее договора о взаимных обязанностях и гарантиях между подданными и монархом. Но эти воззрения проистекают из религиозных истоков общего договорного права, о чем убедительно пишет Гарольд Дж. Берман [4, с. 224]. Полагая, что современное договорное право зародилось в Европе в конце XI – начале XII веков, он тем самым его происхождение связывает с каноническим правом римско-католической церкви. Лишь потом, в XVII-XVIII веках, возникает пуританская концепция договора как завета строгой ответственности за его нарушение. Таким образом, частноправовые конструкции предопределили общую идейную направленность развития права в публичной сфере. По мнению Ф.-А. фон Хайека [5, с. 101], все важнейшие этапы эволюции права, способствовавшей возникновению открытого общества, нужно искать в торговом праве, построенном на договоре.

Как полагает французский автор Ги Эрме, «именно в эту эпоху начинают признавать легитимным бунт против негодных правителей, правда, это сопровождается такими ограничениями, которые сводят почти к нулю практику таких бунтов» [5, с. 33]. И очень важно, что в XIV в. теологи Марсилиус Падуанский [3, с. 120] и Вильгельм Оккамский

[7, с. 51] обосновывают и совершенствуют понятие договора. Оккама, один из героев романа «Имя розы» Умберто Эко [8], в частности, придает ему косвенно индивидуалистический, а не общинный характер. Исходя из того, что церковь является не органическим коллективом, подчиненным Папе, а добровольным объединением мужчин и женщин, каждый из которых имеет персональное отношение к вере в Бога, он предполагает, что то же самое происходит в политическом устройстве. Именно с этого отрезка времени легитимная власть будет основываться на новой индивидуалистической логике, на персональном согласии каждого подданного в принципе. (Справедливости ради отметим, что впервые слово «индивидуализм» встречается в эссе французского мыслителя Жозефа де Местра, написанном в 1820 г. [9, с. 261]). Как бы то ни было, с этого момента начинается «великий перелом» в сознании людей Европы.

Именно поэтому особого внимания заслуживают конституции т.н. договорного характера. Яркий пример – неcodифицированная английская конституция, ведь исторически первым «договорным законом» была Великая хартия вольностей 1215 г. Целый ряд компромиссных по своей сути конституционных актов принимается во времена Английской революции XVII в., когда на договорной основе вынуждены были решать важнейшие вопросы монарх, землевладельческая аристократия и зарождавшаяся мощная торгово-промышленная буржуазия. Вильям Энсон прямо пишет о том, что именно «договорным актом, посредством которого Парламент вручил корону Вильгельму и Марии, были признаны официальные и представительные обязанности английской Короны» [10, с. 25]. Безусловный научный авторитет в английском праве А. Дайси приводит множество примеров таких соглашений, являющих собой, по сути, «кодекс конституционной нравственности» [11, с. 406]: «Министерство, не заслужившее одобрения палаты общин, во многих случаях обязано выйти в отставку»; «Партия, которая в данное время располагает большинством голосов в палате общин, имеет, говоря вообще, право требовать для своих вожаков министерских портфелей»; « В случае упорного разногласия между палатой общин и палатой лордов пэры должны в известный момент уступить нижней палате». Здесь отметим Хабеас корпус акт 1679 г. и Билль о правах 1689 г., затем – Закон о престолонаследии 1701 г., ещё позднее, когда на авансцену выдвигается рабочий класс – Законы о парламенте 1911 и 1949 гг. В. В. Лузин [12, с. 103] конституционные соглашения предлагает считать важнейшим компонентом сущности английской конституции.

Поэтому к собственно неписаной части относятся «конституционные соглашения» [13, с. 58], нигде особым образом не зафиксированные, но регулирующие важнейшие вопросы государственной жизни. Исторически они имеют различное происхождение

(баронские коалиции, межпартийная борьба), их точного списка не существует, но практически такие соглашения действуют во всех элементах британской политической системы. Таким образом, борьба и компромиссы определяют особенности английской комбинированной и несистематизированной Конституции. Ситуация чётко обрисована К. В. Арановским: «Конституции, формально не выделенные из общей системы права, устанавливаются эволюционно. Они получают признание de facto – субъекты государственно-правовых отношений, прежде всего суверены, прямо или фактически подтверждают своё согласие следовать сложившемуся комплексу конституционных норм» [14, с. 142]. Ещё раз подчеркнём, что развитие событий по цепочке диалог-договор-писаный закон наиболее точно отражает суть конституционализма.

Эта традиция оказалась очень живучей и в XX в. Как пишет А. Н. Медушевский, «главные конституционные изменения в Британии во время этого столетия часто предварялись соглашением между правительством и оппозицией или, по крайней мере, попыткой достичь такого соглашения. Так было во время первого кризиса в Ольстере, кризиса отречения в 1936 г., в ходе попыток реформировать Палату лордов» [15, с. 47]. Тем самым, надо полагать, направляется действие конституции в меняющихся условиях.

Представляется верным утверждение В. В. Маклакова о том, что «конституция представляет собой как бы запись соотношения политических сил, существовавшего на момент её принятия. Это, можно сказать, общественный договор (разумеется, договор не в юридическом смысле), в котором согласованы интересы различных частей общества. Каждая такая часть – общественный класс, социальный слой, территориальная, национальная или иная общность – защищает в политической борьбе свои интересы, и степень, в которой их удаётся согласовать, получает отражение в конституции. Без такого согласования в обществе не мог бы существовать никакой правопорядок» [16, с. 43]. Созвучна такому пониманию позиция Н. С. Бондаря [17, с. 44], который видит в конституции порождение социальных противоречий, юридизированную форму отражения и институционно-правовые основы их разрешения. В новейшей монографии В. Е. Чиркина [18, с. 16] неоднократно подчеркивается, что в конституции важно видеть акт с элементами общественного договора, соглашение различных социально-политических сил общества, достигнутое в итоге их борьбы, состязательности и сотрудничества. По мнению ученого, это было присуще уже первой Конституции (США), когда предприниматели-северяне договорились с плантаторами-южанам, что последние будут голосовать на выборах за 3/5 их рабов-негров.

В своём исследовании Т. Я. Хабриева и В. Е. Чиркин [19, с. 43] последовательно проводят мысль о том, что чаще всего современная конституция закрепляет волю не какой-то одной стороны в обществе, а компромисс различных классовых, социальных, а иногда и иных сил, но при доминировании определённого социального слоя или слоёв. Содержание компромисса – объект конституционного регулирования и способы урегулирования основных общественных отношений с учётом тех или иных интересов. Как можно догадаться, в основе такого компромисса должен быть договор особого рода. В данном случае речь идёт не о юридических действиях, а о характере отношений в обществе.

Новые подходы, преодоление устаревших или не оправдывающих себя взглядов и представлений последовательно утверждаются в конституционной науке. Как пишет Б. С. Эбзеев [20, с. 86], если в качестве методологической основы исследования и в современных условиях принять теорию классовой борьбы, то государство действительно выступает как машина классового подавления, находящаяся в распоряжении господствующего класса, средство насилия, подчинения, а конституция является политико-правовым воплощением результатов этой борьбы и способом поддержания классового господства. Если же методология исследования определяется идеей социального сотрудничества, государство выступает в качестве средства общественного согласия и компромисса, способа формирования определенного баланса многообразных интересов, имеющих в обществе. Соответственно и конституция в этом случае выступает как легитимация социального согласия и партнерства, гражданского мира, а не средство достижения победы того или иного класса. Потребность вовлечения и поисков согласия, убежден А. А. Арутюнян [21, с. 34], ведет к установлению консенсусной формы демократии.

Эта мысль не нова. В XIX в. немецкий социалист Ф. Лассаль, разграничивая фактическую и юридическую конституции, говорил о том, что соглашение различных социальных сил имеет не юридический, а фактический характер, оно объективно складывается в процессе борьбы и сотрудничества различных сил, действующих непосредственно либо через создаваемые организации. И лишь затем (здесь Ф. Лассаль описывает эпизод немецкой истории) появляется «необходимость в первой писаной конституции, и король по собственному почину созывает в Берлине национальное собрание, чтобы выработать, как говорили сначала, совместно с ним новую писаную конституцию или, как стали говорить позже, согласовать её с королевской властью» [22, с. 49]. Лассаль высказывал свои соображения в эпоху бурного европейского конституционализма, он мог опираться на имеющийся опыт и теоретические работы

идеологов «договорной конституции», к числу которых мы причисляем Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо и И. Канта, о взглядах которых следует сказать отдельно. Творивший в эту эпоху швейцарский ученый И. К. Блюнчли четко сформулировал и оценил складывающуюся ситуацию: «Форма договора отличается от формы закона тем, что в последней выражается *единство* государства, между тем как в первой *множество* самостоятельных политических тел устанавливает общую волю через соглашение» [23, с. 12]. Такие взгляды имели свою предысторию.

Английский государствовед Т. Гоббс (1588-1679) пытался выискать причины «войны всех против всех», определить для индивидов возможности выхода из столь бедственного естественного состояния. Необходимость стремления к миру предполагает отказ каждого от своих прав в той мере, в какой этого требуют интересы мира и самозащиты. Такой отказ от права совершается большей частью перенесением его по договору на определённое лицо или группу лиц. Но в таком случае люди обязаны выполнять заключённые ими соглашения, в противном случае последние не будут иметь никакого значения.

Особо подчеркнём тот факт, что действительными социально-историческими прототипами тех естественных законов, о которых толкует Т. Гоббс, являлись взаимосвязи товарладельцев, частных собственников, опосредуемые актами обмена и оформляемые договорами. Таким образом, в итоге именно обмен и договор выступают, согласно концепции мыслителя, предпосылками установления мира в человеческом социуме. Однако, ставя гражданские законы в строгую зависимость от естественных, Т. Гоббс не является сторонником идеи подчинения государственной власти праву. Но первый шаг был сделан.

Затем веское слово сказал Дж. Локк (1632-1704), последовательный идеолог социального компромисса. Он в равной мере не воспринимал как радикальные воззрения эпохи революции, так и концепцию абсолютности и неограниченности власти государства. Локк не просто разделял идеи естественного права, общественного договора, народного суверенитета, неотчуждаемых свобод личности, разделения властей, законности восстания против тирана, он выступал основоположником доктрины раннебуржуазного либерализма. В вопросе образования политического сообщества согласие (договор) народа обязательно, но в отличие от Т. Гоббса, ни о каком тотальном отказе индивидов от всех принадлежащих им естественных прав в пользу государства нет и речи.

На законность Дж. Локк возлагал большие надежды, а именно – в установленном людьми общем законе, признанном ими и допущенном по их общему согласию в качестве

меры добра и зла для разрешения всех коллизий, он усматривал важнейший конституирующий государство признак. «Два основных метода решения общих дел – достижение соглашений и использование власти – всегда существовали и будут существовать в обществе», – это уже не Локк, а современный автор Д. Н. Бахрах [24, с. 242], но как же созвучны взгляды прогрессивных людей из разных эпох. В отличие от Т. Гоббса было сказано о том, что в государстве никакой орган не может быть изъят из подчинения его законам, а сам он лично склонялся к ограниченной конституционной монархии. На учении Дж. Локка строились многие передовые взгляды мыслителей эпохи Просвещения, его государственно-правовые воззрения послужили основой создания первых конституций. Например, ведущая фигура американской революции, автор Декларации о независимости 1776 г. и будущий президент США Т. Джефферсон именно от Локка заимствовал идею о неотъемлемости человеческих прав, которые государство должно обеспечивать: «... ўлада – справа паразумення паміж людзьмі, а не ўгоды, дасягнутай па-над іх галовамі – законная улада паходзіць са згоды кіраваных» [7, с. 111]. Ему была очень близка концепция английского философа о том, что человек защищает свои права через добровольный контракт, организуя при этом желательное «попечительское» правительство, и люди терпят его, пока оно придерживается условий общественного договора.

Взгляды Дж. Локка сформировались не на пустом месте. Необходимо брать во внимание, что конец XVII века отмечен религиозной идеей covenant (англ. – договор), это значит – «безграничной преданностью общему делу, обоснованным послушанием Божьей воли, что, в конце концов, формирует этику ответственности, которой позже дали имя общественного мнения или морали. Этот тип морали – обязательства в отношении общин – распространится в скором времени в политике и будет способствовать возникновению пуританского гражданского долга, который, в свою очередь, породит аутентичное демократическое мышление: например, народный порыв американской революции» [6, с. 35]. Под впечатлением этого феномена Алексис де Токвиль [25, с. 46] утвердился во мнении, что религия для американцев является одним из важнейших политических институтов.

Сторонником договорной теории происхождения государства был Ж.-Ж. Руссо (1712-1778). Конечно, этот сложный процесс нельзя сводить только к форме гипотетического (подразумеваемого) договора, и Руссо именно так трактовал свою теорию, говоря, что никакой документ при этом не составлялся. Однако «рациональное зерно этой концепции может быть применено и к анализу конституции с тем весьма существенным отличием, что в этом случае как раз всегда в результате существует

документ. Конституция договорно-компромиссного элемента сущности конституции отражает современную действительность» [19, с. 43]. Мыслитель постоянно подчёркивал, что основой любой законной власти среди людей могут быть лишь соглашения, отсюда и проистекает его теория общественного договора.

Но стоит помнить и о том, что будучи убеждённым антииндивидуалистом, Ж.-Ж. Руссо в своей идеализированной конструкции народного суверенитета отвергает требования каких-либо гарантий защиты прав индивидов в их взаимоотношениях с политическим организмом (по сути – государством). Абсолютизация общей воли народа и практическое воплощение этой идеи на практике (якобинский этап французской буржуазной революции) «поставили крест» на дальнейших конституционных преобразованиях, а впоследствии стали питательной почвой тоталитарных по своей сути доктрин. (см. подробно К. Поппер [26]).

Основоположником либеральных конституционных воззрений в Германии следует считать И. Канта (1724-1804), его рассматривают одним из главных создателей концепции «правового государства». Как и Ж.-Ж. Руссо, он придерживался идеи общественного договора, однако И. Кант постоянно подчёркивал необходимость сохранения автономии воли индивида, его «моральной развитости». Центральным институтом публичного права является прерогатива народа требовать своего участия в установлении правопорядка путём принятия конституции, выражающей его волю. По существу не соглашаясь с теорией Ж.-Ж. Руссо, немецкий философ сформулировал очень прогрессивную для того времени демократическую идею народного суверенитета. Остаётся добавить, что доктрина социального компромисса для И. Канта реализуема лишь в условиях правового состояния, где заглавную роль высшего акта играет конституция государства.

Даже такой элитарист, апологет аристократической культуры и обличитель народовласти как Ф. Ницше в своей работе «Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов» [27, с. 433, 435] высказывает достаточно неожиданные для его почитателей мысли: «В более свободном строе люди подчиняются лишь условно, в результате взаимного соглашения, т.е. со всеми оговорками эгоизма»; «Без договора нет права»; «Правительство есть не что иное, как орган народа, а не какой-либо опекающий и почитаемый «верх» в отношении к воспитанному в скромности «низу»; «... под влиянием господствующей конституционной формы правления отношения перестраиваются, они *становятся* компромиссами». Но надо помнить, что период творчества Ф. Ницше относится к эпохе уже состоявшихся конституционных государств, он не столько предвосхищал, сколько констатировал политические реалии.

Таким образом, вырисовывается концепция конституции не как приказа верховной власти, а компромисса, соглашения, договора. Это очень важный постулат. Понятно, что в разные исторические эпохи и в силу политических причин в таком договорном социальном компромиссе участвуют самые разнообразные общественные силы, а их баланс может изменяться. Как видно из истории, лишь сторонники марксистско-ленинской идеологии предложили совершенно иной подход в понимании сущности основного закона (конституция – продукт не компромисса, а классовой борьбы, инструмент закрепления господства находящихся у власти), но жизнь показала убогость и бесперспективность таких воззрений.

Классическим образом «договорной конституции» служит английская некодифицированно-комбинированная конституция, однако имеются и иные примеры из конституционной практики различных государств. Как пишет В. В. Маклаков [28, с. 33], несколько особняком стоят конституции, редко встречавшиеся в прошлом, не встречающиеся в настоящее время и носившие договорной характер между королём и выборным органом, считавшим себя выразителем интересов всего народа. Такие конституции указывали на некоторое равновесие политических сил, при котором монарх уже не в состоянии издать собственную конституцию, поэтому их можно рассматривать как «совместный» акт монарха и выборного органа. В качестве примера учёный указывает на конституционный акт Вюртемберга от 25 сентября 1819 г., в преамбуле которого говорилось, что он «будет иметь в качестве источников нашу резолюцию (т.е. короля) и контрдекларацию земель, образующих общее решение по следующим вопросам». Эта Конституция была подготовлена смешанной комиссией и одобрена как выборным органом, так и королём.

Далее В. В. Маклаков [28, с. 34] проводит мысль о том, что элементы договорного характера встречаются и в конституциях, принятых после Второй мировой войны. Достаточно неожиданно автор усматривает в действующей Конституции Франции 1958 г. именно такой характер. Объясняется это следующим образом. Генерал Ш. де Голль получил полномочия на разработку конституции от Парламента, который указал основные направления в содержании будущего основного закона. Подготовленный проект должен был быть вынесен на референдум, а не предложен представителям уполномочившего Президента органа. Разрабатывавшее проект Правительство, однако, должно было передать текст в Консультативный конституционный комитет, две трети членов которого составляли парламентарии, но который не обладал решающими полномочиями. Здесь действительно усматриваются элементы договорного характера, но

всё же на стадии разработки, а не принятия. Французская Конституция, как известно, была принята через референдум.

Приведённый пример не единичен. Договорно-компромиссные элементы сущности конституции всё более просматриваются в современной действительности, и это могут быть самые разные формы. Так, отмечают Т. Я. Хабриева и В. Е. Чиркин [19, с. 43], бывают письменные соглашения партий, решения общенациональных конференций различных политических сил по вопросам наиболее общих положений будущей конституции. Такие соглашения или конференции имели место в Испании перед принятием Конституции 1978 г., неоднократно в Ливане, в некоторых странах Африки после свержения тоталитарных режимов в 1990-х гг., таково Охридское соглашение 2001 г. в Македонии о принципиальных изменениях действующей Конституции. Если вспомнить историю, то у большевиков России при подготовке первой социалистической Конституции 1918 г. тоже было «хрупкое» соглашение с левыми эсерами, однако всё закончилось принятием акта узкоклассового бескомпромиссного характера.

Однако при характеристике особых черт и свойств отечественной (русской) конституционной модели Т. Я. Хабриева пишет о вещах, не имеющих места в действительности: «Принятая в 1993 г. [Конституция] с целью установления гражданского мира и согласия, она выполнила роль юридического закрепления общественного договора между различными социально-политическими силами. Ее базовые ценности имеют непреходящее значение, и их потенциал в достижении целей социального прогресса не исчерпан» [29, с. 961]. Это в современной России базовыми ценностями признаются гражданский мир, согласие и договор? Приходится констатировать укоренившуюся систему совершенно иных координат.

Принципы диалога и договора были положены в основу принятия Основного Закона Германии после II-й Мировой войны. Крайняя напряженность ситуации (неопределенный статус Берлина) и угроза войны между вчерашними союзниками стали общим фоном имевших место событий. Для созданного ФРГ очень правильным оказалось решение союзников доверить задачи составления и обсуждения новой конституции германской политической элите (в отличие от японцев). Конечно, представители оккупационных сил наблюдали за этим мероприятием, но их присутствие не было особенно ограничивающим или навязчивым. По мнению А. Н. Медушевского [15, с. 140], договорной характер реформ подтверждается тем, что существовал базовый консенсус основных партий – ХДС/ХСС (CDU/CSU), СДПГ (SPD) и СВДП (FDP) о содержании новой конституции, а также согласием между большинством немецких граждан (представленных в трех партиях) и оккупационными силами, представленными западными союзниками. Именно

партии достигли консенсуса о принципах демократии и либерализма, что нашло четкое текстуальное выражение в Основном Законе Германии. Можно вспомнить, как Конрад Аденауэр, избранный Президентом парламентского Совета, постоянно маневрировал и служил посредником между союзниками и немцами. Это ему блестяще удалось, он завоевал доверие союзников и стал национальным лидером Западной Германии. Так Основной Закон приобретал характер документа, порожденного искусством компромисса.

Следует отметить и особый случай – принятие Европейской Конституции 2004 г. [19, с. 89]. Она по своей правовой форме является международным договором государств, подписанным главами государств или правительств 25 стран на конференции 18 июня 2004 г. Её официальное название – «Договор, устанавливающий Конституцию для Европы» («Treaty establishing a Constitution for Europe»). После долгих переговоров представители 25 стран в конечном счёте преодолели разногласия и пришли к соглашению. Конституция ЕС – бессрочный договор. Она вступит в силу, если будет ратифицирована всеми членами ЕС. Конституция ЕС разрабатывалась около двух с половиной лет. Сначала был созван Европейский конвент (февраль-июнь 2002 г.) – своеобразное учредительное собрание в составе представителей законодательной и исполнительной ветвей власти, членов ЕС, кандидатов в члены ЕС, а также представителей органов самого ЕС. Подготовленный конвентом проект был представлен на обсуждение и доработку Межправительственной конференции государств-членов ЕС (октябрь 2003 г. – июнь 2004 г.). Завершением процесса разработки и принятия Конституции ЕС была встреча в верхах (глав государств и правительств 25 стран), на которой и был окончательно принят текст Конституции. Таким образом, Европейская Конституция 2004 г. обрела юридическую форму договора между государствами, что символизирует появление своеобразного «международного конституционного права».

В сущностном плане договорной характер конституции наиболее точно отражает природу самого права, произрастающего из эквивалентных начал, а это немислимо без диалога, уступок, согласований, взаимных обязательств (см., например, В. М. Сырых [30, с. 369-442]). Как пишет Р. В. Енгибарян, «конституция – это всегда общественный компромисс, вызванный политическими реалиями. Она служит средством целенаправленного воздействия на общественные отношения, условием согласованных действий всех социальных слоёв общества. При таком подходе общие интересы превалируют над классовыми, общечеловеческие над национальными» [31, с. 71]. К. В. Арановский [32, с. 71] утверждает, что сущность конституции – юридически оформленный гражданский мир. Б. С. Эбзеев [33, с. 987] в русле конституционализма

реанимирует солидаристскую теорию права. И такие подходы всё более утверждают себя в современной науке и практике.

Выводы

Сущность конституции в современных условиях должна рассматриваться с позиций, трактующих ее как порождение и своего рода нормативный правовой результат разрешения противоречий, имманентно присущих человеческому социуму. При всей многогранности и противоречивости конституционных явлений необходимо исходить из признания того факта, что в демократическом правовом государстве назначение основного закона должно проявляться в юридическом закреплении согласованных интересов и воли всех социальных групп, заинтересованных в политическом мире и гражданском согласии. Поэтому при учреждении конституции столь важно задействовать все возможные механизмы цивилизованного преодоления и разрешения социально-политических противоречий. Диалог, компромисс, партнерство, консенсус – все эти ценности и создают надежную основу «договорной» конституции. Соглашение, как сущностная сторона права, естественным образом должно находить продолжение в его квинтэссенции – конституции. Такая нормативная модель организации общественной и государственной жизни способна решить многие проблемы легализации и легитимации основного закона, приданию ему реального, а не номинального значения. При вступлении в должность Президента Украины 7 июня 2014 года Петр Порошенко произнес слова о «необходимости заключения пакта между властью и народам» как залога в осуществлении конституционных преобразований. В мире появится еще одна «договорная» конституция. Начало положено.

Література

1. Теория государства и права: Хрестоматия: В 2 т. / Авт.-сост. В. В. Лазарев, С. В. Липень. – М.: Юристъ, 2001. – Т. 1. – 620 с.
2. Штайнер, Ю. Еурапейскія дэмакратыі. – Мінск.: ТАА "Лекцыя", 1996. – 343 с.
3. История политических и правовых учений. Учебник для вузов. Под общей редакцией члена-корреспондента РАН В. С. Нерсесянца. – М.: Издательская группа ИНФРА-М – КОДЕКС, 1995. – 736 с.
4. Берман, Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии / Гарольд Дж. Берман; пер. с англ. Д. Шабельникова и М. Тименчика под ред. Н. Малыхиной. – М.: Библиотека Московской школы политических исследований, 1999. – 432 с.
5. Хайек Фридрих Август фон. Право, законодательство и свобода: Современное понимание

- либеральных принципов справедливости и политики / Фридрих Август фон Хайек; пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева под ред. А. Куряева. – М.: ИРИСЭН, 2006. – 644 с.
6. Гі, Эрме. Культура і дэмакратыя / Эрме Гі. . – Мінск: «Беларусь» / ЮНЕСКО, 1995. – 144 с.
 7. Хайніцка, К. Гісторыя палітычных і праўных тэорый / Крыстына Хайніцка, Гэнрык Альшэўскі; пер. З пол. Уладзіміра Маруціка; навук. Рэд. Уладзімір Маруцік. – Мінск: Медисонт, 2007. – 312 с.
 8. Эко, У. Имя розы / У. Эко. – пер. с итал. Е. А. Костюкович. – СПб.: «Симпозиум», 2009. – 638 с.
 9. Новак, М. Дух демократического капитализма/ Майкл Новак. – пер. с англ. В. Г. Маргутика. – Мн.: «Лучи Софии», 1997. – 544 с.
 10. Энсон, В. Английский Парламент, его конституционные законы и обычаи / В. Энсон. Пер. с англ. с прим. Н.А. Захарова. – СПб.: Издание Юридического Книжного Магазина Н.К. Мартынова, 1908. – 355 с.
 11. Дайси, А. В. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской Конституции / А. В. Дайси. Пер. с англ. О. В. Полторацкой. Под ред. П. Г. Виноградова. – М.: Типогр. товарищества И.Д. Сытина, 1905. – 660 с.
 12. Лузин, В. В. Место и роль конституционных соглашений в системе источников права Англии / В. В. Лузин // Правоведение. – 1999. – № 2. – С. 103-106.
 13. Конституции зарубежных государств. // Сост. проф. В. В. Маклаков – 2 –е изд., исправ. и доп. – М.: БЕК, 1999. – 584 с.
 14. Арановский, К. В. Государственное право зарубежных стран: учебное пособие. – М.: ИНФРА – М; ИД «ФОРУМ», 2000. – 488 с.
 15. Медушевский, А. Н. Теория конституционных циклов / А. Н. Медушевский; Гос.ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. – 574 с.
 16. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учеб. для юридич. вузов. Тома 1-2. / Андреева Г. Н., Андреев И. А., Будагова А. Ш. и др.; Под ред. Б. А. Страшуна. – М.: БЕК, 1996. – 778 с.
 17. Бондарь, Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия / Н. С. Бондарь. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2011. – 544 с.
 18. Чиркин, В. Е. Конституционная терминология: монография/ В.Е. Чиркин; Институт законодательства и сравнительного правоведения при правительстве Российской Федерации. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2103. – 272 с.
 19. Хабриева, Т. Я., Чиркин, В. Е. Теория современной конституции. – М.: Норма, 2005. – 320 с.

20. Эбзеев, Б. С. Введение в Конституцию России: монография / Б.С. Эбзеев. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 560 с.
21. Арутюнян, А. А. Конституционализм: проблемы постсоветской реальности: монография/ А. А. Арутюнян. – М.: Норма, 2013. – 160 с.
22. Конституционное право. Учеб. пособие для юридич. вузов. Хрестоматия / И. К. Блюнчли, Ю. Гачек, В. М. Гессен и др.; Под ред. Н. А. Богдановой. – М.: Юридический колледж МГУ, 1994. – 284 с.
23. Блюнчли. Общее государственное право. Переведено с 3-го издания под ред. проф. О. М. Дмитриева студентом Н. Ляпидевским. Том первый. – М.: Университетская типография (Катков и К°), 1868. – 217 с.
24. Бахрах, Д. Н. Очерки теории российского права / Д. Н. Бахрах. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – 288 с.
25. Токвиль, А. де. Демократия в Америке: Пер. с франц. / Гарольда Дж. Ласки. – М.: Прогресс, 1992. – 554 с.
26. Поппер, К.-Р. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Марк и другие оракулы. Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 528 с.
27. Ницше, Ф. Сочинения в 2 т./ Ф. Ницше; сост., ред. изд., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна; пер. с нем. – М.: Мысль, 1997. – Т. 1. – 829 с.
28. Конституционный контроль в зарубежных странах: учеб. пособие / отв. ред. В. В. Маклаков. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма: Инфра – М, 2010. – 672с.
29. Хабриева, Т. Я. Конституция России в мировом пространстве/ Т. Я. Хабриева// Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2013. – Шестой выпуск (№ 43). – С. 956-963.
30. Сырых, В. М. Логические обоснования общей теории права. В. 3 Т. Т. 3. Современное правопонимание / В. М. Сырых. – М.: РАП, 2007.– 512 с.
31. Енгибарян, Р. В. Конституционное развитие в современном мире. Основные тенденции / Р. В. Енгибарян. – М.: Норма, 2010. – 496 с.
32. Арановский, К. В. Конституционная традиция в российской среде / К. В. Арановский. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – 658 с.
33. Эбзеев, Б. С. Государство и личность в России: социальная солидарность как парадигма отечественного конституционализма/ Б. С. Эбзеев// Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2013. – Шестой выпуск. (№ 43). – С. 986-999.

